

(1)На задворках нашего села стояло на сваях длинное помещение из досок. (2)Я первый раз в жизни здесь услышал музыку — скрипку. (3)На ней играл Вася-поляк. (4)О чём же рассказывала мне музыка? (5)О чём-то очень большом, (6)На что же это жаловалась она, на кого гневалась? (7)Тревожно и горько мне, (8)Хочется заплакать, оттого что мне жалко самого себя, жалко тех, что спят непробудным сном на кладбище!

(9)Вася, не переставая играть, говорил: «(10)Эту музыку написал человек, которого лишили самого дорогого. (11)Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, он ещё не сирота. (12)Всё проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран, — но никогда не проходит и не гаснет тоска по родине. (13)Эту музыку написал мой земляк Огинский. (14)Написал на границе, прощаясь с родиной. (15)Он посылал ей последний привет. (16)Давно уже нет композитора на свете, но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не может отнять, жива до сих пор».

(17)«Спасибо вам, дяденька», — прошептал я. (18)«За что, мальчик?» —(19)«За то, что я не сирота». (20)Восторженными слезами благодарил я Васю, этот мир ночной, спящее село, а также спящий за ним лес. (21)В эти минуты не было для меня зла. (22)Мир был добр и одинок так же, как я. (23)Во мне звучала музыка о неистребимой любви к родине. (24)А Енисей, не спящий даже ночью, молчаливое село за моей спиной, кузнечик, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде он один во всём мире, трава, отлитая как будто из металла,— это и была моя родина.

(25)...Прошло много лет. (26)И вот однажды в конце войны я стоял возле пушек в разрушенном польском городе. (27)Кругом пахло гарью, пылью. (28)1 вдруг в доме, стоящем через улицу от меня, раздались звуки органа. (29)Эта музыка разбредила воспоминания. (30)Когда-то мне хотелось умереть от непонятной печали и восторга после того, как я послушал полонез Огинского, (31)Но теперь та же музыка, которую я слушал в детстве, преломилась во мне и закаменела, особенно та её часть, от которой я плакал когда-то. (32)Музыка так же, как и в ту далёкую ночь, хватала за горло, но не выжимала слёз, не прорастала жалостью. (33)Она звала куда-то, заставляла что-нибудь делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не ютились в горящих развалинах, чтобы небо не подбрасывало взрывами. (34)Музыка властвовала над оцепеневшим от горя городом, та самая музыка, которую, как вздох своей земли, хранил в сердце человек, никогда не выдавший родины и всю жизнь тосковавший о ней.

(По В. Астафьеву)

(1)Когда при Берге произносили слово «Родина», он усмехался. (2)Он не понимал, что это значит. (3)Родина, земля отцов, страна, где он родился, — не так важно, где человек появился на свет. (4)Земля отцов! (5)Берг не чувствовал никакой привязанности ни к своему детству, ни к маленькому городку, где он родился.

— (6)Эх, Берг, сухарная душа! — с тяжёлым укором говорили ему друзья. — (7)Какой из тебя художник, когда ты землю родную не любишь, чудак!

(8)Может быть, поэтому Бергу и не удавались пейзажи. (9)Он предпочитал портрет, плакат. (10)Он старался найти стиль своего времени, но эти попытки были полны неудач и неясностей. (11)Однажды Берг получил письмо от художника Ярцева. (12)Он звал его приехать в муромские леса, где проводил лето.

(13)Август стоял жаркий и безветренный. (14)Ярцев жил далеко от безлюдной станции, в лесу, на берегу глубокого озера с чёрной водой. (15)Он снимал избу у лесника. (16)Вёз Берга на озеро сын лесника Ваня Зотов, сутулый и застенчивый мальчик. (17)На озере Берг прожил около месяца. (18)Он не собирался работать и не взял с собой масляных красок. (19)Он привёз только маленькую коробку с акварелью.

(20) Целые дни он лежал на полянах и с любопытством рассматривал цветы и травы. (21) Берг собирал ягоды шиповника и пахучий можжевельник, тщательно рассматривал осенние листья. (22) На закатах журавлиные стаи с курлыканьем летели над озером на юг. (23) Берг впервые почувствовал глупую обиду: журавли показались ему предателями. (24) Они бросали без сожаления этот пустынный, лесной и торжественный край, полный безымянных озёр и непролазных зарослей.

(25) В сентябре пошли дожди. (26) Ярцев собрался уезжать. (27) Берг рассердился. (28) Как можно было уезжать в разгар этой необыкновенной осени? (29) Отъезд Ярцева Берг ощутил теперь так же, как когда-то отлёт журавлей, – это была измена. (30) Чему? (31) На этот вопрос Берг вряд ли мог ответить. (32) Измена лесам, озёрам, осени, наконец, тёплому небу, моросившему частым дождём.

– (33) Я остаюсь, – сказал Берг резко. – (34) Я хочу написать эту осень. (35) Ярцев уехал. (36) На следующий день Берг проснулся от солнца. (37) Лёгкие тени ветвей дрожали на чистом полу, а за дверью разлилась тихая синева. (38) Слово «сияние» Берг встречал только в книгах поэтов, считал его пафосным и лишённым ясного смысла. (39) Но теперь он понял, как точно это слово передаёт тот особый свет, какой исходит от сентябрьского неба и солнца. (40) Берг взял краски, бумагу и пошёл на озеро. (41) Он торопился. (42) Он хотел всю силу красок, всё умение своих рук и зоркого глаза, всё то, что дрожало где-то на сердце, отдать этой бумаге, чтобы хоть в сотой доле изобразить великолепие этих лесов, умирающих величаво и просто. (43) Берг работал как одержимый. (44) Никто его никогда таким не видел!

(45) Вернувшись в город, Берг обнаружил извещение о выставке. (46) Его просили сообщить, сколько своих вещей он выставит. (47) Берг сел к столу и быстро написал: «Выставляю только один этюд акварелью, сделанный мною этим летом, – мой первый пейзаж». (48) Была полночь. (49) Мохнатый снег падал снаружи на подоконник. (50) В соседней квартире кто-то играл на рояле сонату Грига. (51) Берг хотел проследить, какими неуловимыми путями появилось у него ясное и радостное чувство Родины. (52) Оно зрело годами, но последний толчок дали лесной край, осень, крики журавлей... (53) Почему? (54) Берг никак не мог найти ответа, хотя и знал, что это было так. (55) Берг знал, что теперь он связан со своей страной не только разумом, но и всем сердцем, как художник, и что любовь к Родине сделала его умную, но сухую жизнь тёплой, весёлой. (56) Во сто крат более прекрасной, чем раньше.

(По К.Г. Паустовскому*)

** Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) – известный русский писатель, классик отечественной литературы.*